

Эта усадьба представляла собой несколько вложенных прямоугольников, и так называемые Восемь врат тоже шли слоями, так что разгадка обещала быть непростой.

Сюэ Сянь отличался от обычных людей и никогда не утруждал себя изучением подобной мелочовки. В прежней жизни всё это не имело для него особого значения. Он и представить не мог, что однажды окажется беспомощным калекой да ещё и угодит в призрачную стену.

Так что заставить его сидеть здесь и высчитывать, где Врата Жизни, а где Врата Смерти, — всё равно что дать ему пару ножевых ударов. Гораздо проще.

— И это я должен, волоча две бесполезные ноги, бегать и искать кого-то? — Сюэ Сянь фыркнул. «И за что я себя так ненавижу?» — подумал он про себя.

Он привык к горделивой независимости. Без крайней нужды он ни за что не станет унижаться. А если уж крайняя нужда настала... что ж, лучше прибейте его сразу.

В этой проклятой усадьбе даже ветра было — раз-два и обчёлся, не на что опереться. Даже если он и вычислит, куда идти, как он туда доберётся? Поползёт? Будет ковылять?

Одна мысль об этой картине заставляла Сюэ Сяня скрипеть зубами.

Мечтайте. Кто хочет — пусть ползёт. Он — точно нет.

Сюэ Сянь, прислонившись спиной к стволу и прикусив кончик языка в раздумьях, запустил руку в потайной карман на груди и нащупал жёлтый листок.

Бумажка была вся помята, в многочисленных складках — видать, с тех пор как попала к Сюэ Сяню, ей не довелось знать покоя. Он с отвращением ухватил её двумя пальцами за край и встряхнул, слегка расправляя. На жёлтой поверхности красовалась каракуля, которую и родная мать не узнала бы.

Но Сюэ Сянь узнавал.

Он стащил эту бумажку, когда проходил через Жаочжоу, у одного гадателя.

У того гадателя были кривые, козлиные усики, на голове — потрёпанная тканевая шапка, а в уголке глаза — синеватый след, то ли родимое пятно, то ли след от побоев. Целыми днями он торчал у моста, под предлогом гаданий и исправления иероглифов сбывая самодельные жёлтые талисманы. Мужик был тот ещё — раз уж продаёшь талисманы, мог бы и почерк поднатореть, чтобы хоть как-то людей морочить. А этот старик и не думал смущаться: водил по бумаге своими каракулями, и хоть бы хны — ни стыда, ни совести, не боялся, что не купят.

Сюэ Сянь пару дней околачивался у его лотка, подглядел, как тот рисует талисманы. Большинство были просто украшениями, бесполезными безделушками. Лишь у немногих линии выходили плавными, и те могли кое-как работать.

Но лишь кое-как.

Например, талисман для изгнания нечисти в лучшем случае прогонял муравьёв да мошкар; талисман для долголетия разве что мелкие хвори отводил.

А тот, что был у Сюэ Сяня, он видел, как старик и выводил.

— «Да ниспошлёт Южный Дракон, Владыка Грома и Туч, свою печать и защиту», — Сюэ Сянь

прищурился и лениво прочёл знаки на талисмানে. Большинство были извилисты, как черви, с девятью поворотами на восемнадцати изгибах, — удивительно, что он ещё помнил, что там.

Уже по содержанию можно было догадаться — это талисман для призыва грома. Непонятно, с чего это старикану понадобилось такое упражнять.

Хотя, говоря о призыве грома, один этот жалкий смятый бумажный клочок, конечно, Южного Дракона не призовет. Разве что пару облачных нитей натянет, солнышко прикроет. Но тот же талисман в руках Сюэ Сяня обретал иные свойства.

Потому что Южный Дракон, к которому зывали на талисмানে, был, как ни крути, самим Сюэ Сянем.

Хоть его нынешнее бумажное тело и не могло само по себе чудить, но использовать жёлтый талисман как посредника — это он ещё попробовать мог.

Он снова полез в карман, достал маленький фарфоровый пузырёк, вытащил пробку — и в воздухе поплыл сладковато-приторный запах с примесью странной ледяной пряности.

Сюэ Сянь поморщился. Даже запах собственной крови не казался ему приятным.

Он разгладил талисман на ладони, капнул из пузырька каплю тёмно-красной крови. Капля мгновенно впиталась в жёлтую бумагу.

Спрятав пузырёк, Сюэ Сянь небрежно швырнул талисман прочь.

В момент, когда бумажный талисман покинул его пальцы, от центра, где впиталась кровь, вспыхнул яркий огонь — и он мгновенно сгорел дотла.

И вдруг — взрыв ветра! Яростные порывы, и с дальнего края неба хлынули, клубясь, тяжёлые тучи.

Небо внезапно почернело, словно его окатили жидкой тушью. Сверкающая, как паутина, молния с треском рассекла небесную высь, и оглушительный гром грянул прямо у земли, будто разорвавшись у самого уха.

Эта небесная молния, видимо, задела либо границу этого пространства, либо самую его основу.

Раздался грохот, словно обрушились горы, — и он, извиваясь вслед за молнией, обрушился вниз.

Сюэ Сянь, непринуждённо развалившись на стене среди узловатых ветвей старого дерева, невозмутимо наблюдал, как молния бьёт в землю у его ног, раскалывая толстую каменную плиту в пыль, — даже глазом не моргнул.

Вся усадьба содрогнулась и долго ещё колебалась, прежде чем постепенно утихла.

Сюэ Сянь приподнял веки, глянул вверх, и в его взгляде мелькнула тень сожаления: в нынешнем состоянии, даже с помощью талисмана, он мог вызвать лишь один такой удар.

Впрочем, этот оглушительный гром кое-чего добился. Казалось, он пробил где-то на краю этого пространства узкую трещину. Раньше тихая, почти оцепеневшая усадьба обрела лазейку для воздуха — и сквозь неё начали просачиваться обрывки звуков, вскоре мягко разлившись по всему поместью.

Значит, он здесь не один.

Остальных, видимо, тоже затянуло в это пространство, только разместило по разным углам, так что они друг о друге и не ведают.

Сюэ Сянь по-наскоку сорвал с соседней старой лозы закрученный усик и, прислонившись к стволу, стал лениво наматывать его на палец. Он закрыл глаза, прислушиваясь к звукам, доносящимся из той щели, пытаясь выловить из мельтешения нечто особенное.

Спустя мгновение он действительно уловил кое-что...

Звон колокольчика?

— Нет... — Сюэ Сянь цыкнул языком и нахмурился.

Тот звук был едва слышен среди стенаний ветра, словно шёл издалека-далека или растягивался долгой щелью.

Похоже на звон четырёхугольного колокольчика с телеги, но в деталях — не совсем.

Колокольчик...

Медная монета?

С этой мыслью звук стал отчётливее. Да, точно — лёгкий, случайный звон от соприкосновения нескольких медных монет.

— ... — Сюэ Сянь без выражения открыл глаза. Усик, который он наматывал на палец, после всех издевательств с треском порвался надвое.

И, казалось, всего за миг звон монет стал гораздо ближе.

Сюэ Сянь прислушался — казалось, он раздаётся прямо за стеной.

Одна из узких калиток в галерее с лёгким скрипом приоткрылась. Сюэ Сянь, мучивший лозу, поднял взгляд.

Молодой монах в белой льняной ряссе беззвучно приблизился к стене.

В такую зимнюю стужу носить тонкую льняную одежду — уже само по себе выглядело холодно, будто на неё намертво налип морозный воздух. Лишь когда Сюань Минь остановился у самой стены и перевесил на пояс побрякивавшую связку медных монет, Сюэ Сянь вдруг сообразил: этот лысый всегда ходил бесшумно.

Так что... звон монет был намеренным?

Сюань Минь стоял у стены, его спокойный, безмятежный взгляд скользнул по Сюэ Сяню.

Сидевший на стене человек, несомненно, обладал выдающейся внешностью — словно меч, убранный в ножны, но чьё лезвие всё ещё чувствуется сквозь кожу. Однако он выглядел слишком худым, а чёрная одежда лишь подчёркивала болезненную бледность. Эта густая, тёмная хвороба смешивалась с почти осязаемой остротой, создавая противоречивый и таинственный облик.

Когда Сюэ Сянь не выражал эмоций, он производил впечатление невероятно собранного и глубокого.

С этим выражением он и смотрел на Сюань Миня несколько мгновений, а затем, не выдержав, с силой закатил глаза к небу:

— Только ты и мог...

Тут же, с досадой, он скомкал в ладони оборванный усик.

Этот человек был отъявленным проказником — даже забравшись на стену, он не мог усидеть спокойно. Нехотя, сбоку поглядев на Сюань Миня, он швырнул в него комком из смятого усика.

Сюань Минь покачал головой, поднял руку и поймал летящий «снаряд» в ладонь:

— Что это был за гром с небес?

Сюэ Сянь насмешливо приподнял бровь:

— Ты даже не спросишь, кто я?

Когда этот лысый ловил его, он был всего лишь мхом на земле, потом превратился в тонкую бумажную оболочку — ни разу не предстал в нормальном человеческом облике.

Сюань Минь раскрыл ладонь. На тонкой, худой ладони лежало вещественное доказательство проделок Сюэ Сяня — комочек из усика.

По натуре он был молчалив, и лицо его всегда оставалось холодным и бесстрастным. Но эта раскрытая ладонь ясно говорила одно: такого озорника, как ты, только один на свете, хоть в пепел обрати — узнаю.

Сюэ Сянь: «...»

<http://bllate.org/book/16289/1467785>